

Всесоюзная здравница: история туризма и курортного дела Крыма в 1920–1980-е годы

Алексей Попов

Симферополь: Антиква, 2019. – 272 с.

Один из моих старших соучеников по историческому факультету Симферопольского государственного университета (1972–1977), вузовский комсорг, а потом и парторг, начал было работать над кандидатской диссертацией о советском курортном строительстве – и сразу же уткнулся в неразрешимую в тех идеологических условиях проблему неравенства в сфере отдыха уже на самых ранних этапах советской истории. В итоге так и ушел из жизни *неостепененным*... Помнится, другой активист, помоложе, с презрением использовал в речах слово «уравниловка», работать пошел в структуры, стоящие на страже реально сложившегося социального устройства, а на заслуженный отдых ушел с должности начальника охраны первого лица Крыма.

Но вот «Перекоп» идеологических барьеров пал, и крымский историк Алексей Попов впервые разворачивает всеобъемлющую и объективную картину строительства «всесоюзной здравницы». В основе его исследования – многолетняя работа с архивными источниками указанной поры и малодоступной литературой.

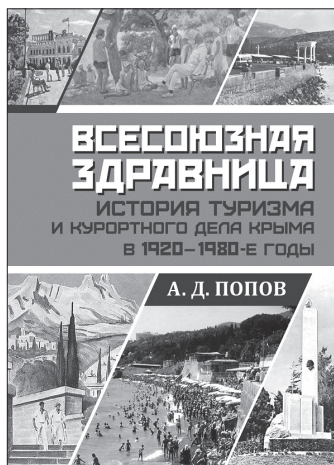
Крымское курортоведение в каком-то смысле вышло из «шинели» генерал-губернатора Новороссии, герцога Ришелье, оценившего Южный берег Крыма при единственном посещении так: «краше французской Ривьеры»¹. Крымский историк, директор Центрального музея Тавриды Андрей Мальгин в книге «Русская Ривьера» дополнил эту метафору, назвав Крым «первым курортным романом России»². Среди предшественников Попова – так же географ, один из разработчиков Крымской объединенной рекреационной системы Игорь Русанов, так что не случайно общий контекст исследования создается и обращением к деятельности созданного в 1890 году Крымского горного клуба, который многие исследователи называют первой жизнеспособной отечественной туристской организацией.

1 Люсьи А. П. *Пушкин. Таврида. Киммерия*. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 57.

2 Мальгин А. В. *Русская Ривьера: курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII – начало XX в.* Симферополь: СОНАТ, 2016. С. 333–335.

Александр Павлович Люсьи (р. 1953) – профессор Института кино и телевидения, специалист по локальным текстам культуры.

В книге три раздела: «Метаморфозы крымского туризма и курортного дела в советский период», «Горячие будни всесоюзной здравницы», «Размышления над курортной картой». Первый, наиболее интересный, раздел, структурированный по хронологическому и тематическому принципам, начинается с «мифа основания» – базового элемента любого мифотворчества, в том числе и мифа советского курортного строительства.

В основе такого мифа здесь – ленинский декрет «Об использовании Крыма для лечения трудящихся» от 21 декабря 1920 года, принятый вскорости после установления на полуострове советской власти. Впрочем, как уточняет Попов, отправной точкой советизации курортов Крыма вполне можно считать более ранние документы: уже в день окончательного занятия Крыма Красной армией 16 ноября 1920 года только что созданный Военно-революционный комитет издал приказ № 2 за подписью председателя ревкома Бела Куна, во втором пункте которого значилось:

«Выселить из всех вилл и дач, имений буржуазии и устроить дома отдыха для Освободителей Крымских Трудящихся масс – больных и раненых Красноармейцев и Петроградского и Московского пролетариата поднявшего первое знамя возстания против помещиков и капиталистов» (орфография оригинала. – А. Л.).

А 14 декабря появился приказ № 106 Крымского революционного комитета «О мерах по превращению Крыма во Всероссийскую здравницу», который подписал не только упомянутый Бела Кун, но и представитель центральной власти – народный комиссар здравоохранения РСФСР Николай Семашко; в нем подчеркивалась необходимость исключительно целевого использования санаторно-курортного фонда.

В 1921 году на волне революционных мер сама Ялта, до 1917-го фактически являвшаяся летней курортной столицей империи, на несколько месяцев получила новое имя – Красноармейск. Радикальная часть депутатов горсовета Ялты заявила, что прежнее название города совершенно дискредитировано в сознании трудящихся масс, поскольку связано с тем негативным периодом, когда город-курорт являлся «центром разврата и разгула кутящей буржуазии». Но через несколько месяцев здравый смысл все же взял верх над революционной риторикой, и в августе 1921-го название «Ялта» вернулось. Не то с конкретными здравницами. «Ай-Тодор» превратился в санаторий имени Розы Люксембург, «Дюльбер» – в дом отдыха «Красное знамя», ялтинская благотворительная санатория памяти императора Александра III – в санаторий имени III Интернационала.

Роль первого менеджера курортного дела в Советском Крыму, посланного для реализации ленинского декрета, была от-

ведена младшему брату вождя Дмитрию Ульянову, назначенному сразу на две ответственные должности – уполномоченного Народного комиссариата здравоохранения РСФСР и главы Центрального управления курортами Крыма (ЦУКК). Впрочем, имеющиеся данные позволяют автору рецензируемого издания сделать предположение, что антикризисного менеджера из Ульянова-младшего не получилось и уже в конце 1921 года он предпочел «дезертировать» с курортного фронта. Добровольную отставку со всех занимаемых должностей и отъезд в Москву он объяснил в письме к Семашко желанием «быть рядом с братом», здоровье которого на тот момент действительно стремительно ухудшалось.

За первый советский сезон крымские курорты приняли около 17 тысяч человек, что было значительно меньше запланированного Центральным управлением курортами Крыма. Учреждению катастрофически не хватало ни специалистов в области сельского хозяйства, ни живых денег. Значительная часть переданного национализированного имущества вследствие этого фактически не использовалась в ситуации колоссальных проблем с продовольствием и надвигающегося на полуостров голода 1921–1922 годов.

С 1924 года восстановление старых и строительство новых курортных объектов стало финансировать Центральное управление социального страхования при Наркомате труда СССР (Цусстрах). Переоборудование дореволюционных зданий под санатории и дома отдыха было нацелено прежде всего на многократное увеличение их вместимости. Дворцы, виллы и дачи, изначально предназначенные для кратковременного сезонного отдыха одной семьи с прислугой, теперь использовались для круглогодичного одновременного размещения сотен больных. При таком подходе нормальной практикой было размещение в одной палате нескольких десятков человек.

Но вступил в силу другой политический курс – НЭП, был востребован комфорт, и пестрая теснота переместилась на улицу. Тут не обойтись без Михаила Булгакова, который летом 1925 года в путевых очерках «Выбор курорта», передал колорит наступившей нэпманской эпохи в курортном Крыму:

«На набережной суета больше, чем на Тверской: магазинчики наклеплены один рядом с другим, все это настезь, все громоздится и кричит, завалено татарскими тюбетейками, персиками и черешнями, мундштуками и сетчатым бельем, футбольными мячами и винными бутылками, духами и подтяжками, пирожными. Торгуют греки, татары, русские, евреи. Все втридорога, все “по-курортному”, и на все спрос. Мимо блещущих витрин непрерывным потоком белые брюки, белые юбки, желтые башмаки, ноги в чулках и без чулок, в белых туфельках» (с. 23).

Далее разворачивается поистине панорама курортного «искушения нэпом»:

«Вся Ялта сверху до подножия гор залита огнями, и все эти огни дрожат. На набережной сияние. Сплошной поток, отдыхающий, курортный. В ресторанчике-поплавке скрипки играют вальс из “Фауста”. Скрипкам аккомпанирует море, набегая на сваи поплавка, и от этого вальс звучит особенно радостно. Во всех кондитерских, во всех стеклянно-прозрачных лавчонках жадно пьют холодные ледяные напитки и горячий чай» (с. 24).

Идеологические сражения в курортном преломлении обернулись тут борьбой за повышение качества экскурсий, что подтверждается в книге ссылкой на газету «Красный Крым», озабоченную положением экскурсионного дела в Севастополе в середине 1920-х:

«В прошлые годы [...] процветала бешеная халтура, экскурсионное дело попало в руки всяких проходимцев. Они открыли десятки контор, всячески эксплуатировали доверчивых экскурсантов. Возили их показывать “гнездо горного духа”, “купель св. князя Владимира”, “темницу св. Климента” и всей этой ерундой забивали голову экскурсанту, впервые попавшему в Крым. Гораздо важнее для автора заметки было бы экскурсоводческое внимание к тому, как жилось пролетариату в античном Херсонесе» (с. 30).

Сомнительную славу компилятивной работы сразу же после своего издания приобрел и первый советский «Путеводитель по Крыму» В.К. Шнеура, грешивший откровенной тенденциозностью при обилии недостоверной информации об имеющейся на полуострове туристско-экскурсионной инфраструктуре.

Организационные и идеологические перетряски часто происходят на фоне перетрясок природных – отсюда страницы книги Попова, посвященные разрушительному крымскому землетрясению 1927 года. «Крымский текст» включает в себя и «текст крымского землетрясения», о чем свидетельствуют Илья Ильф и Евгений Петров, а также Михаил Зощенко, описывавшие природное бедствие с изрядной долей комизма.

И это при том, что крымское землетрясение – а точнее целая серия землетрясений, длившаяся несколько месяцев, как уточняет Попов, – оказалось одной из наиболее драматичных страниц истории курортов Крыма в XX веке.

«Землетрясение 1927 г. называют самым мощным и разрушительным из тех, которые были документально подтверждены для территории Крымского полуострова за всю историю наблюдений. Естественный фон катастрофы стал серьезным испытанием для психики очевидцев. Самые сильные и разрушительные подземные толчки (более 8 баллов) наблюдались в ночь с 11 на 12 сентября.

Один из очевидцев тому, писатель Константин Федин, отнюдь не ерничал, так описывая события ночи 11-12 сентября 1927 г. в Ялте:

“Стояла душная южная ночь. Вдруг внезапный удар сбил меня с ног. Подземный гул, грохот камней, звон бьющегося стекла, вой собак – все слилось в единый шум. Он постепенно нарастал, заглушая вопли о помощи, крики безумия, стоны раненых. И все это потонуло в густой, едкой пыли – она не позволяла дышать, и сквозь эту завесу не было видно, где меньше опасность, куда нужно бежать. Из подъездов домов выскакивали люди. По улице, заваленной обломками камней, обезумевшая толпа с ужасным криком ринулась вниз, к морю”» (с. 36).

Автору удалось привлечь к исследованию и другой род «классики» – тексты оперативных сводок местных органов власти. Из них следует, что слухи вокруг землетрясения стали приобретать политический оттенок. Их авторство приписывалось не просто несознательным гражданам, а неким «антисоветским и контрреволюционным группам». К примеру, опасение вызывало поведение южнобережных крестьян:

«Крестьяне слишком требовательны к советскому правительству. Ставят вопрос так: “Правительство должно обеспечить нас жилищем”. “Выдайте нам сейчас брезент для палаток – может пойти дождь и замочить”» (с. 41).

Единственной формой протеста местного населения, по всей видимости, стал рост религиозных настроений, наблюдавшийся и среди православных, и среди мусульман. В ряде населенных пунктов Южнобережья было зафиксировано проведение крестных ходов, а также случаи «чтения женщинами Корана» (с. 41). Такой всплеск религиозности вызвал большую озабоченность советских властей, которые на тот момент уже более пяти лет проводили последовательную политику антирелигиозной пропаганды.

Крестьянство очень резко выражает недовольство местными органами, которые «не хотят вырвать его из барачных могил, когда кругом пустуют дворцы». Но все переговоры с курортными учреждениями о предоставлении до весны части пустующих зданий крестьянству разбиваются об узковедомственную, учрежденческую, колокольную точку зрения, согласно которой крестьяне «загадят» санатории и дома отдыха так, что на приведение после них в порядок здравниц потребуются колоссальные средства и очередной курортный сезон из-за этого будет сорван.

«Курорты важны для оздоровления пролетариата. Но делать из курортов фетиш, икону, какую-то самоцель, ради которой можно пожертвовать в глазах крестьянства авторитетом советской власти, – такая политика вредна, близорука и преступ-

на», – так, оказывается, осмелился выразить тогдашние общекрымские настроения председатель ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимов (с. 43). Из изложения Попова следует, что отчасти из-за своих антикурортных выступлений Ибраимов уже в январе 1928 года был исключен из партии, в феврале – арестован, в апреле осужден по обвинению в терроризме, бандитизме и растрате государственных средств, а в мае того же года – расстрелян (позже к этим обвинениям был присовокуплен и национализм).

Благодаря дотациям центральных и крымских властей, а также владевших здравницами ведомств к лету 1928 года большинство курортных учреждений и турбаз Южнобережья все же были восстановлены и могли принять даже большее количество отдыхающих, нежели в предыдущем сезоне, хотя многие советские граждане не спешили ехать на юг, опасаясь новых проявлений стихии.

С 1928 года на фоне свертывания НЭПа усиливается централизация и идеологизация туризма и экскурсионного дела. Этот курс был подкреплен постановлением ЦИК и СНК Крымской АССР «О сосредоточении всего экскурсионного дела в Крыму в органах Наркомпроса и культурно-просветительских учреждениях» (от 29 февраля 1928 года). Согласно документу, экскурсионную работу могли проводить органы народного просвещения, культурно-просветительские учреждения (например музеи) и профсоюзы. Всем остальным государственным, общественным и кооперативным организациям, а также частным лицам запрещалась любая самостоятельная экскурсионная практика. Пресечением нелегальных экскурсий стала заниматься прокуратура.

Впрочем, без конкуренции все же не обошлось. Вскоре у относящегося к сфере Наркомпроса «Совтура» появился более весомый соперник в лице Общества пролетарского туризма РСФСР (ОПТ) – общественной организации, объединявшей главным образом молодежь с опорой на высшие партийные и комсомольские органы. ОПТ пропагандировало распространение пролетарского туризма как особой формы культурной революции и социалистического строительства. В туристско-экскурсионной практике ОПТ общественно-политическое содержание доминировало над хозяйственными вопросами, что подавалось как его принципиальное отличие от «Совтура». Пролетарские туристы начали борьбу с аполитичной «совтуровщиной», а вскорости опознали и другое «извращение» – бродяжничество. Некоторые предприимчивые авантюристы на волне призывов к активному туризму стали пешком перемещаться по стране, презентуя себя в качестве «путешественников-рекордсменов» и обращаясь за материальной помощью в различные советские учреждения.

В качестве примера в книге рассказывается о некоем человеке, которого звали Антон Земля: он даже отпечатал типографским способом визитки с надписью «19 570 километров пешком с целью изучения нравов, быта и экономики федераций СССР» (с. 49). Столь специфический феномен бродяжничества не прошел мимо внимания Ильфа и Петрова, посвятивших ему свои рассказы «Турист-единоличник» и «Пешеход»:

«Опытный пешеход чужд [...] детским забавам. У него нет дорожного мешка, и он вовсе не считает лето лучшим сезоном для туризма. Двухнедельный или месячный срок для пешеходной прогулки он считает мизерным и не стоящим внимания. Он разом опрокидывает все мешанские представления о путешествии с целью самообразования.

Пешком он ходит только в подготовительном периоде, пока не получает мандата от какого-нибудь совета физкультуры. Обычно мандат напечатан на пишущей машинке с давно выбывшей из строя буквой «е», но это единственный изъян, во всем остальном мандат великолепен и читается так:

“Удостоверэниэ

Дано сиз в том, что т. Василий Плотский вышэл в сэмилиэтнээ путэштэствиз по СССР с цэлью изучэния быта народностэй. Тов. Плотский пройдэт пэшком сорок двэ тысячи киломэтров со знамэнэм N-го Совэта физкультуры в правой рукэ.

Просьба ко всэм учрэждэниям и организациям оказывать тов.Плотскому всячэскоэ содэйствиз.

Прэдсэдатель Совэта В. Богорэз

Сэкрэтарь А. Пузыня”»

(с. 49).

Как тут не вспомнить пишущую машинку «с турецким акцентом», на которую сетовал Остап Бендер.

«Алкоголь и туризм несовместимы!» – так звучал еще один лозунг тех лет (с. 50). Немногие знают, что во второй половине 1920-х в СССР проводилась первая советская антиалкогольная кампания, которая гораздо менее известна, чем аналогичные события периода перестройки. Так что на курортное строительство наложилась всесоюзная кампания борьбы с пьянством, объявленная на учредительном собрании Общества по борьбе с алкоголизмом 16 февраля 1928 года в Колонном зале московского Дома Союзов. Интересно, что эту организацию возглавил уроженец Симферополя, видный советский экономист Юрий Ларин (Лурье). Бой пьянству давался, но, конечно, с идеологической подоплекой, о чем свидетельствует выдержка из газетной статьи «Вражеские дела в Алуштинском экскурсбюро» (1937):

«Приглашенный заведующим [Алуштинской] экскурсионной базой лектор открыто ведет свою вражескую работу. Его лекция о советском парашютизме носила явно контрреволюционный характер. Пьянки во время экскурсий – частое явление. В них принимают участие экскурсоводы, шофера, команды моторных яликов. 17 августа пьяная команда чуть не потопила моторный ялик “Челюскин” с 28 экскурсантами из санатория “Коммунист”. Это дело вел бывший прокурор Алуштинского района, ныне разоблаченный враг народа К. Он замял его. Вражеское гнездо должно быть разрушено» (с. 61).

В 1930-е дошла очередь и до поощрения зимних видов отдыха. Большие средства были выделены на оборудование первой в Крыму лыжной станции и на закупку лыж, горнолыжных ботинок и тому подобного; все это предполагалось сдавать напрокат. Однако идея не прижилась – крымчане «доросли» до лыжного туризма только в 1970-е, – а провал начинания, как это часто случалось в то время, списали на «врагов народа». В 1936 году начальник крымских туристских маршрутов Общества пролетарского туризма и экскурсий Михаил Гершуни был обвинен во вредительстве и умышленном саботаже развития лыжного туризма в горном Крыму и репрессирован (с. 99).

Конец 1940-х – начало 1950-х характерны тем, что на крымских курортах – так же, как и в целом по стране, – большое внимание уделялось так называемому сталинскому плану преобразования природы. Для степного Крыма гидромелиорация имела скорее позитивные последствия, но на Южном берегу Крыма это вылилось в неудачные попытки выращивания в открытом грунте citrusовых растений, создания чайных плантаций и высадки целых рощ эвкалиптовых деревьев, большинство из которых не прижились в крымских условиях (в отличие от закавказской хурмы). Кампания проводилась явно волонтеристскими методами, без учета специфики крымского климата.

Началось и курортно-оздоровительное зонирование:

«Евпатория предназначалась для общетерапевтических и костно-туберкулезных санаториев, преимущественно детских, Алуштинский и Судакский районы – для общетерапевтических санаториев, домов отдыха и туристских учреждений. Наиболее неоднозначным в этом документе было положение о том, что чрезвычайно ценные в рекреационном отношении Алуштинская, Симеизская, Кастропольская и Ласпинская зоны должны предназначаться исключительно для туберкулезных санаториев. В результате было фактически заморожено развитие общекурортной инфраструктуры» (с. 68).

Во втором разделе книги «Горячие будни всесоюзной здравницы» автор, стараясь избежать повторов, составляет условный рейтинг популярности городов-курортов Крыма, постоянный на протяжении всего советского периода. Ялте достается «золото» лидера, Евпатории – «серебро», Алуште – «бронза». Саки замыкали список крупных крымских городов-курортов по количеству посетителей. Однако тут в крымскую систему курортных координат включается качественная составляющая: сюда приезжали на лечение люди с серьезными заболеваниями опорно-двигательного аппарата.

В период «развитого социализма» начались масштабные сезонные нашествия на Крым «диких», неорганизованных отдыхающих (от 5 до 8,3 миллиона человек), с которыми не могла справиться имеющаяся на полуострове курортная инфраструктура. «Беспутевочникам» приходилось обращаться в квартирное бюро, к частникам, или разбивать палатки. Так возникло особое племя «дикарей», для которых палаточный отдых стал жизненным принципом, разновидностью эскапизма. В основном это были представители научно-технической интеллигенции, у которых, в отличие от интеллигенции творческой, не было своих специализированных домов творчества. Это стало особым явлением культуры или даже субкультурой. С одной стороны, ходили слухи о перекрытии Крыма для неорганизованных отдыхающих, с другой, – проекты дальнейшего курортного развития предполагали расширить крымские летние возможности до 20 миллионов человек.

Если в первых двух разделах книги охарактеризован массовый стандарт обслуживания курортников, отдыхающих и туристов в Крыму, который с определенными оговорками можно назвать доступным самым широким слоям граждан СССР, то в третьем, обращенном и в наше время, разделе, автор затрагивает иные, более элитные, стандарты обслуживания, в соответствии с которыми была организована рекреация отдельных лиц и социальных групп, занимавших привилегированное положение в советском обществе. Уже во время перестройки возникла «социалистическая предприимчивость» – любой желающий, с соответствующим достатком, мог теперь попасть даже в гостиницу «Интурист» (с. 170).

Сегодня варианты отдыха в Крыму в целом вполне соответствуют социальной структуре общества, как и раньше, – только, конечно, общество уже другое. В Приморском парке Ялты по-прежнему возвышается обелиск в честь декрета Ленина «Об использовании Крыма для лечения трудящихся» (1950). И это при том, что сам парк под напором санкционированного городскими властями курортного самостроя фактически прекратил свое существование. Таких примеров

АЛЕКСАНДР ЛЮСЫЙ
ВСЕ ВКЛЮЧЕНО

множество, но подобных проблем, к сожалению, автор не касается.

Книга Алексея Попова не только увлекательна – она полезна в процессе распознавания возможного влияния советского проекта «всесоюзная здравница» на современные процессы в туристско-рекреационной и социокультурной сферах. Тот «ностальгический капитал», который успел сформироваться у нескольких советских поколений, будучи уже несколько раз актуализированным, и сегодня не растрочен до конца.